

УДК 316 *Майорова-Щеглова С. Н., Колосова Е. А., Губанова А. Ю.*

Маршруты офлайн и онлайн-жизни детства: событийный анализ

Общая постановка проблемы

Жители, особенно больших городов, в современном обществе выступают субъектами активных перемещений, обозначающие их статусно-ролевые позиции, социальную идентичность и межкультурные коммуникации. Трансформация повседневной жизни увеличивает или уменьшает реальные социальные контакты, при этом расширяются виртуальные социальные связи в каждодневных практиках.

Одним из перспективных направлений современных социологических исследований является изучение повседневной мобильности. И здесь фокус исследований часто направлен на подрастающее поколение, поскольку оно активно осваивает различные сферы общественной жизни, апробирует новые сферы, и закономерно, что их перемещения в пространстве вызывают достаточный интерес исследователей. Купряшкина Е. А. признает саму мобильность важным социальным явлением, влияющим на развитие личности с раннего возраста [5].

Под детскими мобильностями понимаются любые физические перемещения детей в разных типах сред. Уже сложилась традиция выделять организованные (например, детский туризм), самостоятельные (без сопровождения взрослых) и независимые (т.е. без контроля родителей) мобильности. Кроме этих характеристик в работах выделяются в отдельный вид формы перемещений детей: пешие прогулки, катание на велосипеде, самокате, скутерах, использование общественного транспорта и автомобилей.

Каждый этап взросления сопровождается включением в различные пласты жизни и, как следствие, ведет к освоению ареалов мобильности, по нашему мнению, их выделяются три (внутрисемейная, внесемейная и виртуальная). Так, мобильность дошкольника сконцентрирована в основном в ориентации семейного пространства, у школьника появляются устойчивые маршруты (дом – школа-учреждения культуры, спорта, дополнительного образования), а на более старших возрастных этапах (подростничество и юношество) маршруты связаны с освоением новых общественных пространств и новых городских районов за пределами места проживания.

Каждое из этих перемещение бывает в жизни ребенка впервые, является событием-переходом на новую ступень взросления. Отдельные разрозненные эпизоды могут становиться устойчивыми *маршрутами*, этот термин, по нашему мнению, можно использовать в узком смысле как события детства, связанные с освоением реального и виртуального пространства, характерные для большинства или достаточно большой группы детей, в отличие от индивидуального жизненного пути.

© Майорова-Щеглова С. Н., Колосова Е. А., Губанова А. Ю., 2020

МАЙОРОВА-ЩЕГЛОВА Светлана Николаевна, д-р социол. наук, профессор, председатель Исследовательского комитета "Социология детства" Российского общества социологов (г. Москва). **E-mail:** sheglova-s@yandex.ru

КОЛОСОВА Елена Андреевна, канд. социол. наук, доцент, доцент Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва). **E-mail:** the_shmiga@mail.ru

ГУБАНОВА Александра Юрьевна, канд. социол. наук, ведущий научный сотрудник Российской государственной детской библиотеки (г. Москва). **E-mail:** alexandra.gubanova@gmail.com

Научная разработанность и выделение "белых пятен" исследований

Разрозненные изучения детской мобильности проводятся около века и российскими и зарубежными исследователями. За рубежом изучение детской мобильности связано с физическими перемещениями детей и их влиянием на здоровье, использованием транспорта и активных средств передвижения, применением мобильных навигационных технологий, а также образовательным и развивающим потенциалом города [3].

Фокус работ постепенно смещался. Первоначально ученые концентрировались на замерах удаленности от места проживания ребенка, затем по мере осознания значения детской мобильности для развития юного поколения стали изучаться мотивы, цели этих перемещений (до места новых контактов в игре и общении, обучении).

Таковыми были лонгитюдные исследования с использованием индивидуальных дневников, которые проводились в двух странах: в Англии – на протяжении сорока лет, и в Германии – двадцати лет [цит. 5, с. 116]. Целью исследований было не только изучить изменения уровня детской независимой мобильности, но и разработать систему поведенческих показателей, связанную с рисками для детей в окружающей среде через анализ группы разрешений, допускаемых родителями в отношении перемещений своих детей. Исследования по Германии в 90-х гг. прошлого столетия показали, например, что 10-летний немецкий ребенок обходит округу в радиусе 10-15 минут ходьбы пешком и так узнает практически всех детей своего района [23, p. 37].

Основными векторами работ российских исследователей становятся исследования самостоятельных (независимых) перемещений подростков, доступность городской среды для "особого детства", а также безопасность серфинга детей в виртуальном пространстве. В современном звучании этой проблемы все чаще возникают линии выявления и оценок возможности/желания детей и разрешения взрослыми и обществом самостоятельно передвигаться по местности – пересекать большие дороги, пользоваться общественным транспортом и т.д.

Социогеографический подход прикладных исследований детства, а несомненный авторитет здесь приобрела научная школа энтузиастов с Дальнего Востока, выявляет важные факторы мобильности детей и подростков в городской среде [19]. Выявлены несколько групп факторов, определяющих интенсивность перемещений, – территориально-географические, транспортные, социально-инфраструктурные. С другой стороны, сама мобильность может быть интерпретирована и как социальный конструкт, зависящий от уровня принятия обществом самостоятельности детей и установками на границы родительской ответственности.

Некоторые аспекты перемещений детей изучаются российскими исследователями в связи с границами детства, так зафиксировано указание респондентами на независимые поездки как маркер взросления или даже переломное событие на фазе перехода от детства к юности [11; 20].

Однако из анализа современных ученых совершенно выпал еще один важный фактор – темпоральный, связанный с временными характеристиками. В каком возрасте происходят первые перемещения детей, когда они становятся массовыми маршрутами, охватывающими всю группу детей, какова последовательность освоения объектов среды (семейной, внесемейной, виртуальной)? Еще один из неисследованных аспектов – как само социальное время, конкретно-историческая ситуация проживания детства влияют на мобильности обычного детства. Эти вопросы мы попытаемся осветить в данной статье.

Методология изучения детской мобильности и методическая рамка нашего исследования

Само пространство применительно к детству обычно предлагают разделять на доступные и недоступные, к первым относят институционализированные (т.е. созданные для самих детей образовательные учреждения, центры дополнительного образования, поликлиники и т.д.) и публичные (которые образно называются в одной из работ "вложенными" в пространства взрослых, адаптированные для семей с детьми). Недоступные предлагается трансформировать с опорой на конструкт "доброжелательности к детству" [21] или, на-

оборот, сделать еще более закрытыми для детей (магазины алкоголя, сайты, содержащие информацию порнографического характера, изображение, описание сексуального насилия).

Для изучения уровня мобильности использовались различные методики: от изучения индивидуальных дневников и интервью до опросов в формате очного анкетирования в образовательных и досуговых учреждениях и онлайн-анкетирования на платформе Google. Анализ мобильности делается с учетом различных социальных факторов (места проживания, пола). В маркетинге разработан метод Customer Journey Map (СJM) – дословно можно перевести как карта путешествия/пути пользователя. Такая карта наглядно показывает, как и на каких этапах покупатель взаимодействует с теми или иными продуктами, а также позволяет понять проблемы пользователей, их интересы и потребности, чтобы затем выстроить наиболее выгодный механизм взаимодействия. Такой метод позволяет создать визуализированную историю взаимодействия потребителя с продуктом, сервисом, компанией или брендом через разные каналы в определенный период времени [8].

Обращение к детям добавляет в методы интерактивности: рисунки, игровые приемы, сценарии и пр. Мобильность детей в виртуальной среде уже изучалась с помощью дневниковых фиксаций за серфингом в интернете и наблюдений [10, с. 20].

Однако, если мы хотим исследовать темпоральный аспект, нам было необходимо использовать в эмпирическом проекте биографический метод и в качестве респондентов было решено привлекать именно молодежь, которые уже по официальным рамкам вышли из детства, и каждое из событий этого периода уже имеет свое значение на своеобразной линии жизни. Так, время и пространство одновременно выступают в качестве упорядочивающих элементов рассказа о жизни, что позволяет говорить о возможности анализа биографий, насыщенных в том числе пространственными практиками. Исходя из этих методологических оснований в 2018 г. было проведено исследование "Событийность детства поколения Z". Согласно одной из теорий, приблизительно в 2000 г. на свет "появилось" новое поколение Z (или центениалы по В. В. Радаеву) и, к концу 2018 г. оно официально завершило свою детскую биографию. Таким образом, в исследовании приняли участие представители двух поколений (равные группы), рожденные до 2000 г. (возраст которых составил 19-22 гг.) – поколение Y и рожденные в 2000 г. (кому именно на момент опроса было 18 лет) – поколение Z. Выборка исследования являлась достаточно разнородной и включала в себя 774 респондента из 10 разных регионов Российской Федерации, представлены группы "столичного, городского и сельского" детства. Метод построения выборки – невероятностный, выборка согласных (convenience sampling). Дизайн проекта включал 4 основных этапа: 1) выявление содержательных характеристик событий детства; 2) составление онлайн-опросника, апробация и проведение исследования; 3) структурное моделирование событийности (последовательности событий); 4) поиск факторных структур, корреляций для отдельных групп событий.

Респондентам предъявлялся список из 78 значимых событий, и отвечавшие должны были вспомнить, когда впервые в их жизни произошло каждое из событий. Среди этого перечисления были 37 ситуаций, связанные с освоением пространства, они то и выделены нами для анализа в данной статье. Составляя первоначальный список, мы намеренно исключили из важных событий стандартные перемещения в институции (в школу, детский сад), а также уникальные эпизоды переездов (миграцию, дауншифтинг семьи и пр.).

При установлении некоторых норм физического и психического развития ребенка констатируется значимость периода в полгода, мы приняли также этот временной отрезок как значимый количественный показатель для сравнения среднего возраста событий в разных группах детей.

Результаты исследования

Рассмотрим последовательно маршруты освоения семейного, внесемейного (институционализированное и публичное) и виртуального пространства через событийность детства первых двух десятилетий XXI в. Для выполнения поставленных для данной работы задач мы обратимся к фиксации времени

дебюта того или иного события мобильности ребенка через прожитый опыт перемещений молодежи.

Освоение пространства внутри семьи

Наши коллеги всегда изучали перемещения ребенка в открытом внесемейном пространстве, мы же полагаем, что этого недостаточно, и прежде чем в него (в это пространство) перейти, ребенок должен пройти некоторый набор и последовательность событий. Также уточним, что, хотя мы и называем это пространство ближайшего окружения семейным, но это название также может и включать пространство институции ее замещающей.

Интересны данные психологов о значимости освоения близкой среды ребенком. На ранних стадиях развития в окружающем пространстве в пределах досягаемости находится только пространство лица младенца (само лицо и участок вокруг него); дети производят перемещения, например, ко рту, тянутся за разными предметами. При наступлении следующей стадии ребенок осваивает пространство тела, демонстрируя к нему интерес, реагируя на дотрагивающего до него другого человека, проявляя беспокойство от предметов, которые кладутся на тело. Наконец наступает момент, когда дети ищут предметы примерно в пределах метра от себя, могут добираться до находящихся рядом людей. Но только следующая стадия развития переносит ребенка в социальное пространство, и именно в этот момент и возникают события перемещений в пределах жилища вокруг него [2]. Психологи настаивают, что каждое такое перемещение можно уже расценивать как познавательное путешествие. Эта идея даже стала основой специального направления – кондуктивной педагогики, где в образовательных целях может быть использован маршрут от детской комнаты до кухни, от класса к наружным школьным дверям, через городские площадки или торгово-развлекательные центры. Мы же считаем, что овладение пространством жилища или семьи позволяет приобрести первичные навыки мобильности (нахождения дороги в процессе маршрута) и отработать схемы взаимодействия с родителями и взрослыми по постепенному расширению границ самостоятельности ребенка, которые затем он будет проявлять в реальной жизни. В каждом из этих событий ребенок постепенно соединяет три элемента: физическая среда, люди и время. Понимание протяженности маршрута и времени его прохождения сочетаются с практиками выбора направления, возможностей (когда еще тебе что-то рано совершать, а когда уже пора включаться в движение по маршрутам), обобщения прожитого опыта и превращения его в устойчивые практики.

Таблица 1. Средний возраст освоения маршрутов семейного пространства

События освоения семейного пространства	Средний возраст
Я самостоятельно начал(а) принимать душ/ванну	7,4
Я начал(а) сам(а) убирать свою комнату, свою часть жилища	8,6
Мне доверили ухаживать, убирать за домашним животным, гулять с собакой	9,7
Я начал(а) один/одна оставаться дома при болезни	10,7
Мне доверили помочь с более младшим ребенком	11,4
Я начал(а) сам(а) выбирать, какую одежду надеть	11,5
Я начал(а) сам(а) готовить себе еду	11,9
Мне разрешили самой/самому вести машину (автомобиль)	15,1
Я стал(а) жить отдельно от родителей	17,2

Источник: составлено авторами.

Рис. 1. Зависимость освоения семейных маршрутов от состава семьи.

Основные события и их последовательность, зафиксированные в нашем исследовании, говорят по постепенному освоению жилища младшими членами семьи.

При этом мы зафиксировали, что зависимости от социально-экономического статуса семьи не наблюдается, во всех семьях последовательность событий одна и та же, кроме ухода за домашними питомцами, здесь в семьях с низким уровнем достатка это происходило раньше (в среднем в 9,1 года против 9,8 в семьях среднего достатка и 10,0 в семьях высокого). По-видимому, рамки перемещений в семейном пространстве зависят от устоявшихся представлений родительского сообщества о внутрисемейной регуляции.

Но в зависимости от состава семьи мы обнаружили некоторые закономерности: в семьях с одним родителем все события происходили немного раньше, в некоторых случаях более чем на полгода.

Таким образом, освоение пространства внутри семьи, согласно результатам нашего исследования, не зависит от материального положения, однако молодежь из неполных семей указывали, что некоторые события, связанные с домашними делами, в их жизни происходили раньше, чем у детей, проживавших с обоими родителями. Это может быть связано с необходимостью перераспределения обязанностей внутри семьи и служить аргументом самостоятельности детей, выросших в семьях с одним родителем, в том числе, в отношении событий за пределами дома, о которых пойдет речь дальше.

Из "родительского гнезда": в каком возрасте прокладываются маршруты в открытое пространство

На этапе от младшего школьного к подростковому возрасту меняется характер мобильности: от контролируемых и диктуемых родителями занятий до полностью самостоятельных и неодобряемых взрослыми практиками перемещений. В *таблице 2* представлена последовательность событий освоения открытого пространства в детстве начала века. Посещение кружков, секций и клубов было самой ранней досуговой практикой детей – данный опыт респонденты стали маршрутом после поступления в школу, в возрасте 7,2 лет, но дебют этого события отмечается с 3 лет. Следующим на этапе взросления оказался опыт посещения библиотеки, который также был у опрошенных во время учебы в начальной школе (7,9 лет), что может быть связано с распространенной практикой посещения районных детских библиотек классами с учителем, после чего многие дети начинают ходить туда самостоятельно. На третьем месте оказались прогулки во дворе – большинство детей родители начали отпускать гулять во двор без присмотра во втором классе (8,2 лет). Последние же пять событий происходили, по мнению респондентов уже за пределами их субъективного детства (это, как выявлено произошло около 15 лет, но в границах законодательного.

Таблица 2. Средний возраст освоения маршрутов внесемейного пространства

События освоения открытого пространства	Средний возраст
Я начал(а) заниматься в кружке, секции, клубе	7,2
Я впервые был(а) в библиотеке	7,9
Я самостоятельно стал(а) гулять во дворе	8,2
Я впервые поехал (а) в другой город, местность	8,5
Я впервые был(а) в театре	8,6
Я начал(а) самостоятельно ездить по населенному пункту, городу, где жил(а)	9,9
Я начал(а) сам(а) ходить в магазин за продуктами, хозяйственными товарами	10,3
Я впервые поехал (а) в лагерь, центр с группой ребят без родителей	10,5
Я впервые поехал(а) за границу	10,6
Я самостоятельно ходил(а) на спортивные мероприятия	10,9
Я впервые стал(а) ходить в кино без родителей	12,3
Я пошел/пошла за грибами, на рыбалку, охоту без родителей	13,1
Я сам(а) был(а) в парикмахерской, сам(а) выбирал(а) прическу	13,2
Я впервые остался/осталась на ночь у друзей	13,4
Я впервые участвовал(а) в вечеринке без взрослых	14,2
Я начал(а) самостоятельно ходить к врачу	14,3
Я впервые был(а) на свидании	14,8
Ходил(а) на свои деньги в кафе, ресторан	15,1
Я гулял(а) ночью с друзьями, любимым(ой)	15,5
Я ходил(а) на политические митинги и выборы	16,5
Я стал(а) жить отдельно от родителей	17,2

Источник: составлено авторами.

Средний возраст событий, связанных с мобильностью во внесемейной сфере, точно зависел от социально-экономического статуса семьи. Некоторые из отмеченных различий могут быть объяснены дефицитом денежных средств (дополнительное образование, посещение театров, поездки за границу и др.) Однако, все отличия этим фактором объяснить невозможно.

Сложный вопрос встает перед исследователями при интерпретации этих данных. Имеет место быть запаздывающая самостоятельная мобильность обеспеченных или опережающая у бедных? Инфантилизация первых или раннее взросление вторых? Единое мнение в исследовательском коллективе пока не сформировалось, есть все основания говорить о парадоксах развития мобильности в разных группах как одной из тенденций противоречивости трансформаций детства.

Если мы обратимся к сравнению по полу респондентов, то обнаружим, что в российском обществе сохраняется гендерная традиция большего контроля и ограничений для девочек, они "выходят" в пространство позже. И это часто не связано с гендерным разделением труда. Например, даже самостоятельные походы в магазин за покупками у девочек становятся групповыми практиками в 10,3 года, а у мальчиков уже в 9,7 лет.

Таблица 3. Зависимость маршрутов детства от экономического статуса семьи

События детства	Богатые	Средний класс	Бедные
Я начал(а) заниматься в кружке, секции, клубе	6,6	7,2	7,8
Я впервые поехал (а) в другой город, местность	7,3	8,7	9,2
Я впервые был(а) в библиотеке	8	-	-
Я самостоятельно стал(а) гулять во дворе	8,5	8,3	7,6
Я впервые был(а) в театре	8,6	9,7	10,3
Я впервые поехал(а) за границу	9,4	10,9	11,6
Я впервые поехал (а) в лагерь, центр, поход, на экскурсию с группой ребят без родителей	10,4	10,4	11,0
Я начал(а) самостоятельно ездить (например, в школу, к бабушке и т.д.) по населенному пункту, городу, где жил(а)	10,5	10,0	9,2
Я начал(а) сам(а) ходить в магазин за продуктами, хозяйственными товарами	10,6	10,3	9,8
Я самостоятельно ходил(а) на спортивные мероприятия	10,9	10,9	10,8
Я впервые стал(а) ходить в кино без родителей	11,8	12,4	12,5
Я впервые остался/осталась на ночь у друзей	13,4	13,3	13,8
Я сам(а) был(а) в парикмахерской, сам(а) выбирал(а) прическу	13,4	13,1	13,5
Я впервые пошел/пошла за грибами, на рыбалку, охоту без родителей	13,5	13,0	13,2
Я участвовал(а) в волонтерском проекте (помогал(а), организовывал(а) что-то без денег, от души)	14,3	14,3	13,9
Я впервые был(а) на свидании	14,4	14,8	15,1
Я впервые участвовал(а) в вечеринке без взрослых	14,4	14,2	14,2
Я начал(а) самостоятельно ходить к врачу	14,6	14,3	14,1
Ходил(а) на свои деньги в кафе, ресторан	14,7	15,1	15,4
Я гулял(а) ночью с друзьями, любимым(ой)	15,4	15,6	15,2
Я ходил(а) на политические митинги и выборы	15,7	16,4	17,0

Источник: составлено авторами.

Нам показалось интересным провести точечный анализ одного из важнейших для становления личности ребенка социокультурных событий – первого посещения библиотеки.

Исследования, проведенные совместно социологами и психологами РГДБ, направленные на изучение людей, которые приходят в детскую библиотеку (читателей, посетителей, пользователей), показали, что дети до 7 лет чаще всего приходят с мамами (76%), реже с бабушками (10%) и папами (9,3%) [7]. Замечено, что современные родители предпочитают записать ребенка в библиотеку как можно раньше, некоторые читатели библиотеки делают это буквально с первых дней жизни ребенка, а инфраструктура библиотеки позволяет посещать библиотеку вместе с новорожденным (пеленальные столики, места для кормления, микроволновка для разогрева смеси и т.д.)

Большинство детей осваивают этот маршрут в дошкольном и младшем, школьном возрасте (от 6 до 8 лет), в 6 лет – 16,5%, в 7 лет – 30,3%, в 8 лет – 14,3%. Сравнительный анализ данных по событийности показал, что особых

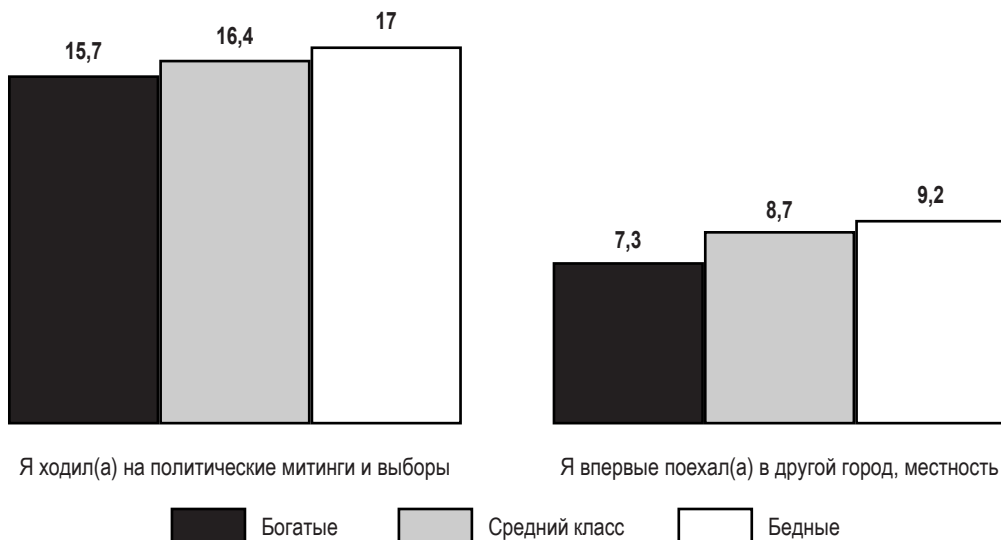

Рис. 2. Зависимость среднего возраста событий детства от экономического статуса семьи

отличий между детьми разного пола по освоению данного маршрута нет, и те, и другие в среднем впервые приходят в библиотеку в 7,9 – 8,2 года. Можно с уверенностью сказать, что дети из полных семей или семей с одним родителем приходят в библиотеку раньше, чем те, кто воспитываются бабушками и дедушками (7,9–7,7–8,9 лет соответственно).

Что касается отличий представителей разных социальных слоев, то очевидно, что более раннее посещение библиотек характерно для представителей бедного класса (7,6 лет), тогда как представители среднего и богатого класса почти на полгода позже осваивают этот маршрут (8,1 лет).

По месту проживания можно говорить о том, что данные маршрут более актуален для представителей сельской местности (7,6 лет), чем для жителей больших городов (8,3 лет). Во многом это связано с тем, что в сельской местности библиотека нередко единственный "островок" культуры в округе и жители активно осваивают этот маршрут в поисках литературы, которую сложно купить, мероприятий, которые нередко проводятся именно на площадке библиотеки и т.д.

Хотим обратиться отдельно еще к одному из событий детства – поездкам в загородные лагеря, центры. У поколения родителей современных детей первые поездки в летний, загородный лагерь (дальние поездки без родителей) назывались в качестве того события, после которого они считали, что стали взрослыми, у них детство закончилось [22]. Пребывание в лагере было массовым событием детства, оно интерпретировалось как своеобразный этап инициации российского ребенка конца прошлого века со следующими значимыми элементами: физические трудности (уборка помещений, приготовление еды, дальние походы и др.), послушание новым взрослым, испытание свободой от родителей и одновременно одиночеством. По мнению Б. В. Кузрянова, сегодня среда лагеря становится иной, оздоровительно-образовательным пространством, но ее значение все равно велико, так как характеризуется коллективным характером деятельности, общения и досуга, групповой активности вместо индивидуальной, преобладающей в современной семье [4, с. 73]. Сама конкретно-историческая ситуация проживания детства, общественное мнение – оценка такого рода события в жизни ребенка изменились. По результатам нашего исследования 8,6% детей так и не побывали в лагере до 18-летия. Особенно их много среди представителей среднего класса, а также среди проживающих в детстве в больших городах.

Особо выделим события подростковой субкультуры. Возраст наступления таких независимых мобильностей как ночные прогулки, вечеринки, свидания почти не зависят от выделенных выше типов поселения и экономи-

Таблица 4. Средний возраст освоения информационно-коммуникационных технологий представителями поколений Y и Z

Событие	Средний возраст события	
	Поколение Y	Поколение Z
У меня появился планшет (или другой собственный гаджет) для выхода в интернет	10,7	9,7
У меня появился свой компьютер	11,6	10,7
Я начал(а) играть на компьютере в игры	11,9	11,0
У меня появились свои фотографии со своими друзьями	12,1	11,3
У меня появился свой аккаунт в сети	12,6	11,5
Я начал(а) искать на компьютере нужную информацию	14,1	12,9
Я проходил(а) испытания (тестирование, экзамен, олимпиаду) по интернету	14,1	13,4

Источник: составлено авторами

ческим статусом семьи, но четко коррелирует с полом респондентов и типом семьи.

Маршруты онлайн-жизни

Виртуальная жизнь, которая для нового поколения является уже привычной, повседневной, тоже, по нашему мнению, может быть рассмотрена через фокус мобильностей, от единичных эпизодов освоения компьютера и Интернета до устойчивых практик. Здесь главное обнаруженное различие в виртуальных перемещениях, по данным нашего исследования, связано с тем, что события у детей, родившихся после 2000 г. проходили раньше, в некоторых случаях более чем на год.

В начале 2000-х гг. Интернет использовался детьми преимущественно для развлечения. Об этом свидетельствует факт нашего исследования, что игреки и зеты начали играть на компьютере раньше, чем искать информацию и проходить тестирования – в 11,9 и 11 лет соответственно. Первый опыт поиска информации у обоих поколений произошел достаточно поздно – в 12,9 лет у поколения Z и 14,1 лет у представителей поколения Y.

Такая событийность сохраняется и в настоящее время, так согласно Отраслевому докладу Института Исследований Интернета среди онлайн-практик детей в 2019 г. лидировали онлайн-игры (59%) и видеоконтент (53%), ещё 42% смотрели образовательный контент в Интернете [13].

По мере взросления к подростковому возрасту увеличивается потребление образовательного контента, он оказывается на втором месте образовательный контент (чем старше, тем больше, 42,9% у младших подростков и 56,2% у старших, соответственно). Также отметим, что исследование 2019 г. показало, что для подростков 14-ти лет важной практикой становятся социальные сети (49,2%) [13].

Новым маршрутом онлайн-жизни нового поколения стал выход в интернет с целью представления своего собственного контента.

Среди возможных форм представления собственного контента можно выделить такие как литературное творчество (сочинение и публикация собственных рассказов и романов или так называемых "фанфиков" – продолжений опубликованных произведений известных авторов, кинофильмов и сериалов, видеоигр и др.), художественное и музыкальное творчество, а также интенсивно развивающееся в настоящее время направление видеоблогов. Как форма размещения информации в Интернете, видеоблогинг находится сегодня на пике популярности, несмотря на то, что первые видеоблоги появились ещё 20 лет назад, в 2000 г., массовый характер явление приобрело в 2005 г. с развитием видеохостинга YouTube [18]. Согласно данным агентства

"Полилог" [15], основной аудиторией интернет-платформы YouTube являются подростки 13–17 лет и молодежь 18–24 лет. Проведенное исследование показало, что у подростков имеется сразу несколько целей ведения видеоблога: социализация, самоутверждение, приобретение популярности, заработок [1].

В 2018 г. число цитирований на видеохостинге YouTube детьми и подростками до 18 лет составляло 244 097 [13], и уступало только таким популярным социальным сетям как "ВКонтакте" и "Facebook". По мнению исследователей российского видеоблогинга, в настоящее время он переходит в стадию активного развития – аудитория быстро растет, ежемесячный прирост новых подписчиков в 2015 г. составлял 50-100 тысяч человек, и если данная тенденция сохранится в ближайшие 5-10 лет, то к 2020–2025 гг. видеоблогинг станет классическим средством массовой коммуникации [15].

К сожалению, пока наука не располагает данными о том, как рано дети начинают проходить "девиантные" маршруты. Однако, косвенные данные указывают, что это происходит довольно рано. Согласно проведенному в 2017 г. исследованию "Медийный портрет подростка двухтысячных годов" на первом месте среди онлайн-рисков по мнению подростков стоит ненужная (реклама) или негативная (опасная) информация, так ответили 61% опрошенных [9, с. 25]. По мнению родителей младших школьников, они могут столкнуться с агрессией и жестокостью (14,4%), порнографией (10,8%), "группами смерти" и ненормативной лексикой (по 7,2%) [14].

Мы предполагаем, что и дальше онлайн-маршруты будут прокладываться интенсивнее и есть тенденции их распространения в разных группах, независимо от пола, места проживания и типа семьи, единственным сдерживающим это явление фактором является недостаток семьи, так как для этого детям необходимы "продвинутые" гаджеты. Возраст вхождения в Интернет снизился до 4-5 лет, причем, треть из дошкольников пользуются Интернетом самостоятельно [13]. К моменту поступления в школу у 44% современных детей уже есть собственный смартфон, а у младших школьников (8-11 лет) этот процент выше почти в 2 раза (74%) [13].

Прогнозы и дальнейшие перспективы исследований

В ходе нашего исследования мы смогли ответить на все поставленные исследовательские вопросы. Несмотря на то, что дебют в события происходит в каждой индивидуальной биографии, мы считаем, что с помощью выявления среднего возраста удалось установить момент превращения этих единичных событий в массовые маршруты. Как мы выявили, наиболее насыщен внутри-семейными практиками возраст дошкольного, младшего школьного и раннего подросткового возраста, а в старшем подростковом возрасте выстраиваются в особую событийность дебюты освоения внесемейного детства. Именно последний вид событий может быть условно поделен на три группы – обусловленные возможностями дохода, усиленным родительским контролем в полных благополучных семьях и третья, в которой триггерами являются подростковые интересы и субкультура.

Мы констатируем, что сегодняшнее детское поколение не лишено опыта разнообразных оффлайн-перемещений, общество признает значение физической активности детей: игры на открытом воздухе, перемещение внутри района жизни и за его пределами, несмотря на конкурирование реального и виртуального пространства.

Анализ эмпирических данных показывает, что будет возрастать роль социально-исторических факторов в детских мобильностях. Нам удалось зафиксировать, что само социальное время, конкретно-историческая ситуация проживания детства влияют на мобильности обычного детства. Последовательность событий мобильностей у условных сравниваемых поколений Y/Z одинакова, но различается именно возраст освоения событий. Если освоение онлайн-маршрутов происходят теперь раньше, то относительно независимых перемещения мы этого не обнаруживаем. Изменения родительства, стремление к пролонгированному детству и внедрение технических средств уже влияют на характер таких перемещений. Например, распространяется тенденция установления тотального контроля за детскими перемещениями в реальной и виртуальной среде. Новые гаджеты пропагандируют новую этику отношений между родителями и подростками ("будь постоянно на связи"

и "все должно быть у ответственных родителей под контролем"). Возникает противоречивая ситуация провозглашения собственной автономии ребенка, например, в игре, встречах с ровесниками, выборе дополнительного образования, и этичности постоянного контроля за перемещениями детей в целях их защиты, между выстраиванием собственного жизненного пространства взрослых родителей и затянутой погруженностью их в мир ребенка до момента его полного взросления.

Каждое событие мобильности имеет свой возраст и мы предполагаем, что это во многом предопределяет сам процесс взросления современного ребенка. Тезис А. В. Стрельниковой о том, что движение в пространственных координатах не может рассматриваться как простая географическая мобильность, является актуальным и для детских перемещений [17, с. 30–35]. Мобильность в детстве подобно территориальной мобильности имеет "отсроченный" эффект, так могут обеспечиваться новые стартовые позиции. Возраст начала перемещений и превращение его затем в маршрут (средний возраст) становятся фиксаторами достижений на линии жизненной траектории. Эта соотношенность времени и пространства является важной характеристикой биографии человека.

От того, как рано/поздно, активно/ пассивно осваивают пространство (территориальное, семейное, правовое, виртуальное) дети, будет, в определенной степени зависеть, каково будет новое взрослое поколение. Так, по нашему мнению, отодвигание времени дебютов многих внесемейных передвижений в новом поколении Z закрепляет тенденции инфантилизации, уже фиксируемые многими учеными [12].

Интересные умозаключения относительно детских перемещений возникли у нас в связи с периодом пандемии и самоизоляции в 2020 г. Это время, как фаза ограничения мобильности и своеобразных трансформаций некоторых традиционных маршрутов детской жизни, конечно, скажется на обществе, но не завтра, а серьезно отдаленно. Предполагается, что взрослое сообщество быстро вернется на "проторенные маршруты" доковидной жизни. Однако, если мы говорим о детстве, здесь будут наблюдаться иные ситуации. Средовые влияния, в случае, если они продолжатся более чем на полгода, способны задержать или стимулировать социальное становление индивидов, породить устойчивую неуверенность в прохождении какого-то этапа взросления, что может и стагнировать формирование сложных навыков и переформатировать стереотипы взрослого поведения. Вероятно, у определенных групп детей произойдут отклонение от маршрута – сдвинутся возрастные рамки каких-то событий. На целый год будут отодвинуты поездки в лагерь, другие города, за границу. С другой стороны, при вынужденной самоизоляции в семьях, где родители обязаны были работать, некоторые старшие дети дебютировали раньше во внутрисемейной помощи – уходе за младшими сестрами и братьями. Есть свидетельства, что городские дошкольники раньше начали свои виртуальные путешествия по онлайн- образовательным маршрутам.

Наступает время изучения маршрутов будущего. Исследование мобильностей детей несомненно выходит за рамки социологии города, миграции и региональных исследований, здесь возникает много аспектов, которые должны решаться в рамках социологии детства. Трансформации зависят не только от решений властей, а от "воли" детей, от их агентности, как все громче заявляют социологи детства: Дети, подростки ринутся в реальность или же они примут ситуацию регламентированности прогулок, домашних занятий, общения с друзьями? Психологи смогут разобраться – возможно ли помочь каждому, а социологи детства могли бы на этом этапе делать точные, с применением методически выверенных инструментов и процедур, "фотографии" новых онлайн и оффлайн маршрутов, и по возможности предложить идеи некоторых социоинженерных мер после завершения пандемии, чтобы условно нивелировать пропажу, отставание или опережение событий.

Литература

1. Азбель А. А., Илюшин Л. С., Манухина С. В. Исследование подростковых видеоблогов: функционально-коммуникативный анализ содержания и речевой культуры // *Ped.Rev.* 2018. № 2 (20). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-podrostkovyh-videoblogov-funktsionalno-kommunikativnyu-analiz-soderzhaniya-i-rechevoy-kultury> (дата обращения: 15.07.2020).
2. Бест Э. Структурирование пространства // *Психологическая наука и образование* 2002. № 2. С. 60–66.
3. Данилова А. В. Маршруты повседневных перемещений в досуговых практиках городской молодежи // *Социология города*. 2017. № 2. С. 20–29.
4. Куприянов Б. В. Вариативность оздоровительно-образовательного пространства загородного детского лагеря // *Вестник Московского городского педагогического университета*. Серия "Педагогика и психология". 2017. № 3(41). С. 72–78.
5. Купряшкина Е. А. Особенности детской независимой мобильности в городах Приморского края // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. Серия: Социальные науки. 2018. № 2 (50). С. 115–123.
6. Лактюхина Е. Г. Умные вещи века: новые технологии в детско-родительских отношениях // *Logos et Praxis*. 2019. Т. 18. № 4. С. 59–64.
7. Малахова Н. Г. Дети и родители – читатели библиотеки // *Социолог и психолог в библиотеке: Сб. Статей и материалов*. Вып IX. Рос.гос.б-ка для молодежи; Ред. сост. М. М. Самохина. М., 2014. С. 106–111.
8. Матвиенко О. И., Алёшина О. Г. Карта пути клиента (Customer journey map) – инструмент изучения поведения потребителя от возникновения потребности до совершения покупки // *Modern Economy Success*. 2020. № 1. С. 91–98.
9. Медийный портрет подростка двухтысячных годов. Пособие. С. Б. Цымбаленко. М.: ООДО "Лига юных журналистов", 2018. 72 с.
10. Методические рекомендации по поиску и отбору качественных сайтов для детей и подростков. Российская государственная детская библиотека; автор: Губанова А. Ю.; ред. Колосова Е. А. М., 2014. 43 с.
11. Митрофанова С. Ю. "Я – взрослый/Я – взрослая": представления третьеклассников о собственном будущем // *Вестник Самарского государственного университета*. 2013. № 2(103). С. 10–21.
12. Митрофанова С. Ю. (Не)законченное детство современных юношей и девушек // *Вестник ВЭГУ*. 2019. № 2 (100). С. 89–96.
13. Отраслевой доклад "Детский Рунет 2018", 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://internetinstitute.ru/wp-content/uploads/2019/02/Detskiy-Runet-2018-Report.pdf> (дата обращения: 07.07.2020).
14. Отраслевой доклад "Детский Рунет 2019", 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://internetinstitute.ru/wp-content/uploads/2020/03/ChildRunet-2019-26032020.pdf> (дата обращения: 07.07.2020).
15. Российский видеоблогинг 2015. Роль и значение в коммуникациях в цифровой среде/Агентство "Полилог". 2015. URL: <http://www.polylog.ru/a/pdf/2015-06-09-vlogging-analysis.pdf> (дата обращения: 14.07.2020).
16. Саранча М.А., Вапнярская О.И. Феномен детского туризма как предмет классификации: проблемы и основные направления // *Сервис в России и за рубежом*. 2018. Т. 12. Вып. 3. С. 39–49. DOI: 10.24411/1995-042X-2018-10303
17. Стрельникова А. Перемещения в пространственных координатах больше, чем географическая мобильность // *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. 2014. Т. 6. № 8. С. 30–35.
18. Филипова А. Г., Ардалянова А. Ю., Абросимова Е. Е. Videоблогинг и современные подростки: опасности интернет-пространства // *Теория и практика общественного развития*. 2017. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/videoblogging-i-sovremennye-podrostki-opasnosti-internet-prostranstva> (дата обращения: 15.07.2020).
19. Филипова А. Г., Купряшкина Е. А., Ракитина Н. Э. Факторы детской мобильности в городской среде: по материалам экспертных интервью // *Научный журнал Дискурс*. 2018. № 11 (25). С. 203–215.
20. Цымбаленко С. Б., Щеглова С. Н. Какие они, подростки девяностых? // *Воспитание школьников*. 1996. № 1. С. 2–7.
21. Шпаковская Л. Л., Чернова Ж. В. Город, дружественный семье: новое публичное пространство для детей и их родителей // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2017. № 2. С. 160–177.
22. Щеглова С. Н. Определение границ перехода от детства к молодости и от молодости к взрослости // *Молодежь 97: надежды и разочарования*. М.: НИЦ ИМ, 1997. С. 157–166.
23. Krappman L., Oswald H. *Alltag der Schulkinder*. Weinheim: Juventa, 1995. 146 s.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Azbel' A. A., Plyushin L. S., Manukhina S. V. Issledovanie podrostkovykh videoblogov: funktsional'no-kommunikativnyy analiz sodержaniya i rechevoj kul'tury // Ped. Rev. 2018. № 2 (20). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-podrostkovykh-videoblogov-funktsionalno-kommunikativnyy-analiz-soderzhaniya-i-rechevoj-kul'tury> (data obrashheniya: 15.07.2020).
2. Best E.H. Strukturirovanie prostranstva // Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie 2002. № 2. S. 60–66.
3. Danilova A. V. Marshruty povsednevnykh peremeshhenij v dosugovykh praktikakh gorodskoj molodezhi // Sotsiologiya goroda. 2017. № 2. S. 20–29.
4. Kupriyanov B. V. Variativnost' ozdorovitel'no-obrazovatel'nogo prostranstva zagorodnogo detskogo lagerya // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya "Pedagogika i psikhologiya". 2017. № 3(41). С. 72–78.
5. Kupryashkina E. A. Osobennosti detskoj nezavisimoy mobil'nosti v gorodakh Primorskogo kraja // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki. 2018. № 2 (50). S. 115–123.
6. Lakt'yukhina E. G. Umnye veshhi veka: novye tekhnologii v detsko-roditel'skikh otноsheniyakh // Logos et Rraxis. 2019. T. 18. № 4. S. 59–64.
7. Malakhova N. G. Deti i roditeli – chitateli biblioteki // Sotsiolog i psikholog v biblioteke: Sb. Statej i materialov. Vyp IX. Ros.gos.b-ka dlya molodezhi; Red. sost. M. M. Samokhina. M., 2014. S. 106–111.
8. Matvienko O. I., Alyoshina O. G. Karta puti klienta (Customer journey map) – instrument izucheniya povedeniya potrebitelya ot vozniknoveniya potrebnosti do soversheniya pokupki // Modern Economy Success. 2020. № 1. S. 91–98.
9. Medijnyj portret podroстка dvukhtysyachnykh godov. Posobie. S. B. TSymbalenko. M.: OODO "Liga yunykh zhurnalistov", 2018. 72 s.
10. Metodicheskie rekomendatsii po poisku i otboru kachestvennykh sajtov dlya detej i podrostkov. Rossijskaya gosudarstvennaya detskaya biblioteka; avtor: Gubanova A. YU.; red. Kolosova E. A. M., 2014. 43 s.
11. Mitrofanova S. YU. "Ya – vzroslyj/Ya – vzroslyaya": predstavleniya tret'eklassnikov o sobstvennom budushhem // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 2(103). S. 10–21.
12. Mitrofanova S. YU. (Ne)zakonchennoe detstvo sovremennykh yunoshej i devushek // Vestnik VEHGU. 2019. № 2 (100). S. 89–96.
13. Otrasleyoj doklad "Detskij Runet 2018", 2019. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://internetinstitute.ru/wp-content/uploads/2019/02/Detskij-Runet-2018-Report.pdf> (data obrashheniya: 07.07.2020).
14. Otrasleyoj doklad "Detskij Runet 2019", 2020. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://internetinstitute.ru/wp-content/uploads/2020/03/ChildRunet-2019-26032020.pdf> (data obrashheniya: 07.07.2020).
15. Rossijskij videoblogging 2015. Rol' i znachenie v kommunikatsiyakh v tsifrovoj srede/Agentstvo "Polilog". 2015. URL: <http://www.polylog.ru/a/pdf/2015-06-09-vlogging-analysis.pdf> (data obrashheniya: 14.07.2020).
16. Sarancha M.A., Vapnyarskaya O.I. Fenomen detskogo turizma kak predmet klassifikatsii: problemy i osnovnye napravleniya // Servis v Rossii i za rubezhom. 2018. T. 12. Vyp. 3. S. 39–49. DOI: 10.24411/1995-042X-2018-10303
17. Strel'nikova A. Peremeshheniya v prostranstvennykh koordinatakh bol'she, chem geograficheskaya mobil'nost' // Interaktsiya. Interv'yu. Interpretatsiya. 2014. T. 6. № 8. S. 30–35.
18. Filipova A. G., Ardalyanova A. YU., Abrosimova E. E. Videoblogging i sovremennye podrostki: opasnosti internet-prostranstva // Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya. 2017. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/videoblogging-i-sovremennye-podrostki-opasnosti-internet-prostranstva> (data obrashheniya: 15.07.2020).
19. Filipova A. G., Kupryashkina E. A., Rakitina N. E.H. Faktory detskoj mobil'nosti v gorodskoj srede: po materialam ehkspertnykh interv'yu // Nauchnyj zhurnal Diskurs. 2018. № 11 (25). S. 203–215.
20. TSymbalenko S. B., Shheglova S. N. Kakie oni, podrostki devyanostykh? // Vospitanie shkol'nikov. 1996. № 1. S. 2–7.
21. Shpakovskaya L. L., Chernova Zh. V. Gorod, družhestvennyj sem'e: novoe publichnoe prostranstvo dlya detej i ikh roditel'ej // Monitoring obshhestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny. 2017. № 2. S. 160–177.
22. Shheglova S. N. Opredelenie granits perekhoda ot detstva k molodosti i ot molodosti k vzroslosti // Molodezh' 97: nadezhdy i razocharovaniya. M.: NITS IM, 1997. S. 157–166.
23. Krappman L., Oswald H. Alltag der Schulkinder. Weinheim: Juventa, 1995. 146 s.

Майорова-Щеглова С. Н., Колосова Е. А., Губанова А. Ю. Маршруты оффлайн и онлайн-жизни детства: событийный анализ.

В статье обосновывается расширение факторов детской мобильности и включение темпорального фактора, связанного с характеристиками времени: возрастные дебюты перемещений, превращение отдельных эпизодов активностей в групповые маршруты, последовательность освоения объектов среды, влияние конкретно-исторической ситуации проживания. В самостоятельной мобильности выделяются три ареала перемещений (внутрисемейная, внесемейная и виртуальная мобильности). С опорой на авторское исследование 2018 года представляются темпоральные характеристики многих событий современного детства и описываются некоторые прогнозы и гипотезы взаимосвязи мобильности и взросления.

Ключевые слова: *детство, событие детства, детская мобильность, маршруты*

Mayorova-Scheglova S. N., Kolosova E. A., Gubanova A. Yu. Routes of offline and online childhood life: event analysis.

The article substantiates the expansion of factors of children's mobility and the inclusion of a temporal factor associated with the characteristics of time: age-related debuts of movements, the transformation of individual episodes of activity into group routes, the sequence of development of environmental objects, the influence of the specific historical situation of residence. There are three areas of movements in independent mobility – intrafamily, extrafamily, and virtual mobility. Based on the author's study in 2018, the temporal characteristics of many events of modern childhood are presented and some forecasts and hypotheses of the relationship between mobility and growing up are described.

Key words: *childhood, childhood event, child mobility, route*

Для цитирования: Майорова-Щеглова С. Н., Колосова Е. А., Губанова А. Ю. Маршруты оффлайн и онлайн-жизни детства: событийный анализ // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 3. С. 21–34. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-3/21-34

For citation: Mayorova-Scheglova S. N., Kolosova E. A., Gubanova A. Yu. Routes of offline and online childhood life: event analysis // Ojkumena. Regional researches. 2020. № 3. P. 21–34. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-3/21-34

